

образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий, привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (XI, 40).

При таком широком понимании народности, дилемма, разделявшая собеседников болгаринского «Разговора», сама собой снимается. Независимо от того, строится ли художественное произведение на отечественном или инонациональном материале, — полагает поэт, — если в «зеркале» его отражена «особенная физиономия» народа, к которому писатель принадлежит, особый исторически сложившийся «образ мыслей и чувствований», оно уже обладает «народностью».

5

Многие современные Пушкину критики, включая Белинского, считали коренным недостатком его трагедии то, что в изложении и трактовке изображаемых событий он «слепо» (употреблялось даже слово «рабски») следовал за «Историей Государства Российского» Карамзина. На самом деле это было совсем не так. Известно, что для своих исторических хроник, больше всего и явившихся жанровым образцом для «Бориса Годунова», Шекспир заимствовал материал из вышедшей в свет в его время (в 1577 г.) «Хроники», принадлежащей перу Голиншеда. Написанная очень живо, легко поддающаяся драматизации, эта «Хроника» сыграла для него, примерно, ту же роль, что для Пушкина «История» Карамзина. Однако, как установили исследователи, научное значение «Хроники» было крайне невелико. Она представляла собой не самостоятельный труд, а сделанный наспех и без всякого разбора компиляцию из вторых рук — более ранних исторических сочинений — и потому изобилующую противоречиями, промахами, порой грубыми ошибками. Между тем Шекспир, в соответствии с очень невысоким еще уровнем исторического сознания того времени, полностью на нее положился, что явилось причиной многих промахов и ошибок в его собственных «хрониках».

Пушкин в этом отношении находился в более благоприятных условиях., Он не преувеличивал историзма карамзинской «Истории», ясно понимая, что она еще далеко не соответствует тому уровню, которого уже достигла к этому времени западноевропейская историография. Но в «Истории» было то, чего не было в «Хронике» Голиншеда и что Пушкин особенно от мечал и ценил. Карамзин писал свой, действительно, многолетний труд по тщательно изученным им архивным материалам, о чем свидетельствуют обстоятельнейшие авторские примечания — «ноты» (с многочисленными выписками из первоисточников), которые, в свою очередь, Пушкин, не менее, чем основной текст, изучил, полагая их лучшим доказательством «обширной учености» Карамзина: «Он рассказывал со всею верностию историка, он везде ссылался на источники». И это давало ему возможность подыматься над личными политическими взглядами: «Несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия», имевшихся в «Истории», «красноречиво опровергались», как подчеркивал Пушкин, «верным рассказом событий» (XII, 306). Но при всем своем доверии к беспристрастной, научной «честности» Карамзина Пушкин обращался и непосредственно к тем историческим источникам, которыми в своей михайловской ссылке мог располагать — летописям, четьям-минеем. Не просто заимствовал он у Карамзина и версию об организованном Борисом убийстве царевича Димитрия, а сам глубоко продумал, «изучил» ее, что видно из более поздних, остро критических замечаний, сделанных им на полях статьи Погодина «Об участии Годунова в убийении царевича Димитрия» (XII, 243—256), автор которой высказывал сомнение в этом участии, и «спорах до хрипу» между ними на эту тему, о чем Погодин записывает в своем днев-